

Практика Норвегии и Договор о Шпицбергене (современные международно-правовые вопросы)

Савва В.М.

Автор проводит обзор основных международно-правовых мер, предпринятых Норвегией в обход норм Договора о Шпицбергене от 9 февраля 1920 г. (далее – «Договор 1920г.») с 1977г. по настоящее время и их значение для пространственного расширения пределов действия суверенных прав Норвегии в Арктике. Отмечается, что в своей политике Норвегия исходит из ограничительного толкования Договора 1920г. и подмены созданного им специального международно-правового статуса архипелага Шпицберген нормами Конвенции ООН по морскому праву 1982г. В этой связи анализируется зарубежная доктрина, прецедентные решения, которые указывают на недопустимость безоговорочного применения ограничительного подхода при толковании международного договора, без учета его объекта и целей.

В статье рассматривается «альтернативная» правовая позиция Норвегии, заключающаяся в том, что суверенитет Норвегии над Шпицбергеном возник и действует на основе норм обычного права; на основе юридических и фактологических доводов обосновывается несостоятельность и данной позиции. В работе делается вывод о том, что применимые источники международного права подвергают сомнению правомерность предпринимаемых Норвегией мер, в силу чего правовая линия Норвегии нуждается в существенном дополнении и утверждении.

Ключевые слова: Шпицберген; Договор о Шпицбергене 1920 года; 200-мильная рыбоохранная зона; шельф Шпицбергена; Конвенция ООН по морскому праву.

Договор о Шпицбергене, признав «полный и абсолютный суверенитет» Норвегии над Шпицбергеном, «на условиях, предусмотренных» указанным Договором (далее – «Договор 1920 г.», или «Парижский договор»), оставил немало вопросов его применения в условиях современных правовых реалий, прежде всего, введения института 200-мильной исключительной зоны и континентального шельфа¹. Неоднозначное толкование намерений сторон Парижского договора в свете эволюции международного права, обозначенного выше, умело и последовательно используется Норвегией в отстаивании своих национальных интересов, которые заключаются в забвении Парижского договора

* Савва Вера Михайловна – член Секции международного сотрудничества Экспертного совета по Арктике и Антарктике при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. vera.savva@gmail.com.

и подмене применимых к Шпицбергену норм Договора 1920г. нормами национального законодательства и положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Распространение суверенных прав за пределы Договора 1920г. выразилось, прежде всего:

- во введении 200-мильной рыбоохранной зоны вокруг Шпицбергена в 1977г.²;

- в делимитации морских пространств и континентального шельфа с Данией (Гренландией) в 2006г.³ и с Россией в 2010г.⁴;

- в техническом согласовании внешней (но не окончательной!) границы континентального шельфа в районе «Западной части Котловины Нансена» к северу от архипелага Шпицберген;

- в рамках прохождения процедуры в соответствии с п.8 ст.76 Конвенции ООН по морскому праву в 2006 -2009гг.⁵;

- в запуске процедуры присвоения лицензий на разведку и разработку природных ресурсов в пределах рыбоохранной зоны Шпицбергена (т.е. возможно⁶ на шельфе Шпицбергена)⁷.

Указанные мероприятия преследовали цель создать общее понимание между государствами о том, что Шпицберген образует морские пространства и имеет континентальный шельф, статус которых определяется нормами национального законодательства и Конвенции ООН по морскому праву, а не Договора 1920г.; что такие морские пространства и континентальный шельф принадлежат Норвегии как суверену территории Шпицбергена без ограничений по Договору 1920г.; что Договор 1920 г. не имеет отношения к правам Норвегии по современному международному праву.

В результате Норвегия добилась относительно⁸ бесконфликтного осуществления юрисдикционных прав в отношении морских пространств в Северном море, Норвежском море и Баренцевом море, площадь которых *в семь раз больше, чем вся сухопутная территория Норвегии*⁹, а также предварительно, на техническом уровне¹⁰, утвердила свои правопритязания на континентальный шельф, простирающийся на расстоянии *более 800 морских миль к северу от материковой Норвегии*¹¹.

Вместе с тем, это не означает, что норвежская позиция с *юридической точки зрения* стала безупречной. Напротив, интересам Норвегии соответствует *избегать* публичного обсуждения международно-правовой основы своих правопритязаний.¹² Основная причина, по которой это происходит, заключается в том, что вплоть до настоящего времени Норвегия обосновывает свои правопритязания исключительно нормами Конвенции ООН по морскому праву, при ограничительной интерпретации Парижского договора, что не соответствует Венской конвенцией о праве международных договоров, ее положению об учете объекта и цели договора¹³.

Напомним, основная предпосылка в позиции Норвегии заключается в том, что ограничения на суверенитет, закрепленный в ст. 1 Парижского договора, не должны презюмироваться (в этом, по мнению

Норвегии, заключается «общепризнанный принцип международного права»), такие ограничения, если они существуют, исчерпывающим образом перечислены в Парижском договоре, в его соответствующих статьях. В отсутствие прямого указания об ограничении суверенитета в тех или иных нормах Парижского договора, должна действовать общая норма о том, что Норвегия – в силу своего суверенитета, как любое другое государство, получившее суверенитет над территорией в силу норм *обычного* (а не договорного, как Норвегия) права, – вправе принимать любые меры законодательного, административного и судебного порядка в отношении Шпицбергена (суши) и прилегающих морских пространств, а также шельфа Шпицбергена¹⁴.

Как отмечает британский исследователь, в прошлом судья Международного трибунала ООН по морскому праву Андерсон Д., ограничительное толкование Парижского договора Норвегией не лишено сомнительности. Он приводит следующие четыре соображения¹⁵:

1. Правило о «наименьшем ограничении суверенитета» было отвергнуто Лордом Макнейром, который писал следующее: «Сложно защищать правило, основываясь на логике. Каждое договорное обязательство ограничивает суверенные права Государства. За редкими исключениями, договор налагает обязательства на обе стороны; ... если так называемое правило о толковании применяется для того, чтобы ограничить обязательство одной стороны... оно уменьшает встречную выгоду... которое принадлежит другой стороне... что представляется мне абсурдным¹⁶.

2. Арбитраж *ad hoc* по делу озера Лану (Франция против Испании) отмечал: «Утверждалось..., что (определенные) изменения должны толковаться ограничительно, поскольку они отходят от принципа суверенитета. Трибунал не может признать настолько абсолютное правило толкования. Территориальному суверенитету отводится роль презумпции. Он должен преклоняться перед всеми международными обязательствами, каким бы ни было их происхождение...»¹⁷.

3. Заявленный принцип не содержится в Венской конвенции о праве международных договоров.

4. В арбитраже касательно грузового железнодорожного маршрута (Бельгия против Нидерландов), разрешенного Постоянной палатой третейского суда в Гааге в 2005 году, указывалось: «Объект и цели международного договора, вместе с намерениями сторон, являются преимущественными элементами толкования. В действительности, в литературе отмечалось, что излишне неукоснительное применение принципа ограничительного толкования может не соответствовать основной цели международного договора (см. Jennings and Watts, *Oppenheim's International Law*, 9th Edition (1992), с. 1279). Поэтому ограничительное толкование имеет особенно малое значение в определенных категориях международных договоров – таких как, например, договоров в области защиты прав человека. В самом деле, некоторые авторы отмечают, что на этот принцип не опирались в каком-либо

из недавних решений международных судов и трибуналов и что его применимость в нынешнее время необходимо подвергнуть сомнению (Bernhardt “Evolutive Treaty Interpretation, Especially of the European Convention on Human Rights”, 42 German Yearbook of International Law (1999), с. 11, 14)^{18;19}.

Автор делает вывод о том, что «доктрина, недавняя судебная практика и право международных договоров последовательно опровергают правовой аргумент, содержащийся в норвежском правительственном докладе²⁰. Толкование договоров в настоящее время базируется на принципах международного обычного права, как это отражено в Венской конвенции (о праве международных договоров – *прим. автора*), даже если договор, который подвергается толкованию, был заключен ранее 1969 года и его сторонами являются государства, которые не ратифицировали Венскую конвенцию. В соответствии с данным подходом, задача заключается в том, чтобы определить права и обязательства Норвегии и других сторон путем толкования использованных слов в их контексте и в свете объекта и цели международного договора, или (если использовать изречение Лорда Макнейра) путем придания силы намерениями сторон «как [такие намерения] выражены в использованных ими словах в свете имеющихся обстоятельств (surrounding circumstances)»²¹.

Как бы осознавая, что основополагающая правовая позиция весьма неоднозначна, в том числе в свете приведенных выше аргументов, Норвегия в уже упомянутом докладе неожиданно ссылается на *исторически сложившиеся* права на архипелаг Шпицберген, т.е. пытается подменить договорно-согласованное получение суверенитета над Шпицбергенем – обычно-правовым. Утверждается, что, дескать, суверенитет над Шпицбергенем по Договору 1920 г. был не предоставлен Норвегии, а всего лишь «признан». И что имело место, со стороны Норвегии, «эффективное осуществление властных полномочий в течение длительного периода времени», что, вкупе с «отсутствием возражений со стороны других государств... является достаточным основанием в международном публичном праве для норвежского суверенитета в отношении территории»²².

Однако и это утверждение не выдерживает критики. Сразу оговоримся, что период с 1920 года (т.е. после заключения Договора о Шпицбергене) вообще не может быть юридически значимым в плане наличия или отсутствия молчаливого согласия других государств на осуществление Норвегией суверенитета. Это – правомерно, потому что с вступлением в силу Парижского договора такое осуществление суверенитета было не только правом, но и *обязанностью* Норвегии, с тем чтобы архипелаг имел «надлежащий режим, способный обеспечить (его) развитие и мирное использование» (преамбула Договора о Шпицбергене).

Что же касается периода до 1920 года, то здесь правопритязания Норвегии на архипелаг не только никем не признавались, но и самой

же Норвегией были прямо отозваны путем заключения известного Соглашения 1872 года в виде обменных нот между Россией и Шведско-Норвежским правительством^{23,24}.

По свидетельству западных исследователей *того времени*, Норвегия именно *получила* суверенитет над Шпицбергенем, по Парижскому договору. Норвегия была выбрана не в связи с исторически сложившимися правами на архипелаг, а в сугубо практических целях – «в свете интересов указанной страны в отношении Шпицбергена, ее географической приближенности к архипелагу и необходимости в достижении скорого решения, дающего определенность»²⁵ – т.е. для того, чтобы обеспечить надлежащее и мирное использование архипелага, как это заявлено в преамбуле Договора. Все, что Норвегия могла «предъявить» участникам Парижской конференции, – это несколько научных экспедиций на архипелаг и материалы по их результатам²⁶. Понятно, что все это не имеет никакого отношения к праву первооткрывателя Шпицбергена, которое *могло послужить основанием для распространения суверенитета в силу обычного права*, и которое заслуженно *принадлежит России*. Русские поморы, как известно, промышляли на Шпицбергене с XVI века²⁷ и, в отличие от своих западных последователей, десятилетиями *жили* на Шпицбергене, несмотря на его суровый климат и сопутствующие сложности²⁸ (т.е. осуществляли *эффективную оккупацию* архипелага, что также могло привести к утверждению суверенитета России над архипелагом в силу норм *обычного права*). Неудивительно поэтому, что и после заключения Парижского договора Норвегия активно принялась за доказывание *исторических* прав на архипелаг, обоснование исконных культурологических связей Королевства Норвегия со Шпицбергенем, свидетельством чему стало в т.ч. спешное переименование Шпицбергена в «Свалбард»²⁹ (соответствующая политика даже получила название «норвегизация» Шпицбергена).³⁰

Подводя итог, хотелось бы отметить, что ограничительное толкование Норвегией положений Парижского договора, нивелирование его роли и попытка полностью подменить данный источник международного права другой договорной нормой – Конвенцией ООН по морскому праву, само по себе не находит достаточно оснований ни в судебной и арбитражной практике, ни в нормах обычного права, ни в доктринальных источниках. Следовательно, распространение Норвегией суверенитета и суверенных прав за рамки, очерченные Парижским договором, требует дополнительного доказывания и утверждения.

Norwegian State Practice and the Treaty Relating to Spitsbergen (Current International Law Issues) (Summary)

*Vera M. Savva**

The author reviews the key international legal actions undertaken by Norway since 1977 in avoidance of the Treaty of 9 February 1920 relating to Spitsbergen (hereinafter – “Spitsbergen Treaty”), as well as their significance in terms of spatial extension of the sovereign rights of Norway in the Arctic. It is highlighted that Norway’s policy is based on restrictive interpretation of the Spitsbergen Treaty and replacement of its specifically created status of Spitsbergen by UN Convention on the Law of the Sea. In this connection the author analyses foreign doctrine, legal precedents, which all deny unequivocal application of restrictive approach to interpretation of a treaty, in disregard of its object and purpose.

The article considers an “alternative” legal argument of Norway which asserts that Norway’s sovereignty over Spitsbergen has arisen and is currently effective by virtue of the customary law; the above argument is also set aside with reference to legal and factual counterarguments. The author concludes that applicable sources of international law challenge legality of actions that Norway is undertaking, as a result of which Norway’s legal position requires substantive improvement and affirmation.

Keywords: Spitsbergen; Treaty of 9 February 1920 relating to Spitsbergen; 200-mile fishery protection zone; Spitsbergen shelf; UN Convention on the Law of the Sea.

¹ См.: Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М.: СОПС, 2006. С.35-83; A.Vylegzhanin, V.Zilanov. Spitsbergen. Legal Regime of Adjacent Marine Areas. Ed. and translated by W.Butler. Eleven International Publishing. The Netherlands. 2007. P.27 etc.; Вылегжанин А. Н. Вопросы толкования и исполнения Договора о Шпицбергене 1920 года // Московский журнал международного права. – 2010. – N 1.

² Royal Decree of 3 June 1977 on the Fisheries Protection Zone off Svalbard. Текст этого декрета на русском языке см.: Сборник нормативных актов. СССР–Норвегия: сотрудничество в области рыбного хозяйства. Науч. ред. В.А. Косенков, Т.И. Спивакова. – М.: ВНИРО. 1988. С. 97-99.

³ Agreement between the Government of the Kingdom of Norway on the one hand, and the Government of the Kingdom of Denmark together with the Home Rule Government of Greenland on the other hand, concerning the delimitation of the continental shelf and the fisheries zones in the area between Greenland and Svalbard (with chart). Copenhagen, 20 February 2006. / Law of the Sea Bulletin No.75, United Nations, New York, 2010. P.18-20 [Электронный ресурс] //

* Vera M. Savva – member of the Division on International Cooperation at the Expert Council on the Arctic and Antarctic under the Chairman of the Federation Council of Russia. vera.savva@gmail.com.

Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/doalos_publications/LOSBulletins/bulletinpdf/bulletin75e.pdf – Дата обращения 06.09.2016.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане, 15 сентября 2010г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/707> – Дата обращения 06.09.2016. Карта-схема [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/UD/Vedlegg/Folkerett/100914_Kartskisse_final.pdf – Дата обращения 06.09.2016.

⁵ Continental shelf submission of Norway in respect of areas in the Arctic Ocean, the Barents Sea and the Norwegian Sea, Executive Summary; Summary of the recommendations of the Commission on the limits of the continental shelf [...], 27 March 2009. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_nor.htm – Дата обращения 06.09.2016.

⁶ Следует отметить, что Норвегия до настоящего времени не провела делимитацию между континентальным шельфом материковой Норвегии и шельфом Шпицбергена. Это затрудняет юридическую квалификацию лицензий, выдаваемых в рамках 23 раунда, как применимых к шельфу Шпицбергена, а не континентальной Норвегии. В этой связи отсутствует ясность в применимости Парижского договора к соответствующей деятельности по разведке и разработке природных ресурсов в открытых районах, что умело предвидела Норвегия и чем в настоящее время пользуется. По свидетельству британского правоведа Андерсона Д., проведению делимитации в юридическом плане ничего не препятствовало. D.H. Anderson, *The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard* // *Ocean Development & International Law*. 40. 2009. P.377-378.

⁷ Norwegian Petroleum Directorate: 23rd licensing round – announcement. 20.01.2015 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.npd.no/en/Topics/Production-licences/Theme-articles/Licensing-rounds/23rd-Licensing-round/Announcement/> – Дата обращения 06.09.2016. См. также презентацию Eric J. Molenaar «Arctic Fishing», подготовленную в рамках семинара по теме «The EU and the Arctic. Workshop 3: The Maritime Dimension of the Arctic». Reykjavik. 24 June 2015. P.13, 15. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.uu.nl/sites/default/files/rebo-rgl-molenaar-arctic-fishing-150624.pdf> – Дата обращения 06.09.2016.

⁸ «Относительно» – поскольку, несмотря на многочисленные протесты (которые подробно описаны в статье норвежского исследователя: Т. Pedersen. *The Dynamics of Svalbard Diplomacy // Diplomacy and Statecraft*. 19. 2008. P. 236–262), ни одно государство не обратилось в Международный суд ООН или международный арбитраж для опаривания правоприменительной практики Норвегии или по вопросу толкования Парижского договора. О некоторых аспектах *неформальной* дипломатии Норвегии в целях избежания прямого противостояния с государствами см.: Adam Grydehøj. *Informal Diplomacy in Norway's Svalbard Policy: The Intersection of Local Community Development and Arctic International Relations // Global Change, Peace & Security*. 26(1). 2013.

⁹ Allan Sande. *Oil Drilling & Ecosystem Management Planning of the Barents Sea. Briefing Note // Arctic Yearbook*. 2014. P.2.

¹⁰ Формально Комиссия по границам континентального шельфа считается «техническим» органом, поскольку состоит из специалистов в области «геологии, геофизики или гидрографии». Вместе с тем, тот факт, что Комиссия, в соответствии со ст.1 и п.1 «а» ст.3 Приложения II Конвенции ООН по морскому праву, учреждена и выносит рекомендации «в соответствии со статьей 76» Конвенции, т.е. статьи, содержащей правила по ограничению континентального шельфа от международного района морского дна (а не просто п.8 ст.76, и в соответствии с точно заданной технической формулой), вместе с эвентуальной обязательностью «рекомендаций» Комиссии дает исследователям повод говорить о наличии у Комиссии определенных *правовых функций*. См. : Ø. Jensen. *The Commission on the Limits of the Continental Shelf: An Administrative, Scientific, or Judicial Institution?* // *Ocean Development & International Law*. 45:2. 2014. P. 171-185. См. также: Т. L. McDorman. “The Role of the Commission on the Limits of the Continental Shelf: A Technical Body in a Political World // *International Journal of Marine and Coastal Law*, 17. 2002. P. 301–324. Эта точка зрения не поддерживается в российской доктрине международного права. См.: Вылегжанин А.Н., Молодцова Е.С., Дудыкина И.П. Зарубежные исследования права, применимого к от-

граничению (delineation) и разграничению (delimitation) арктического шельфа // Московский журнал международного права. – №3. – 2015. – С.9-11.

¹¹ Т. Pedersen, Т. Henriksen Svalbard's Maritime Zones: The End of Legal Uncertainty? // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 24. 2009. P. 151. О роли заявки Норвегии в политике по забанию норм Парижского договора см.: Предложения к «Дорожной карте» развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике: рабочая тетрадь. №VI. РСМД. Москва, 2013. С. 31-32.

¹² Так, норвежский исследователь Т. Педерсен делает вывод, что попытки Норвегии добиться взаимопонимания с другими государствами и найти у них поддержку своим действиям на дипломатическом уровне неоднократно приводили к обратному результату – заинтересованные государства в ответ проводили переоценку своих позиций, делали оговорки и даже объединились в своем противостоянии Норвегии. См.: Т. Pedersen. The Dynamics of Svalbard Diplomacy // Diplomacy and Statecraft. 19. 2008. P. 255.

¹³ Норвегия не является стороной Венской конвенции о праве международных договоров, однако нормы, закрепленные в данной конвенции (в частности, ст.31, предписывающая толковать международный договор «добросовестно в соответствии с обычным значением...а также в свете объекта и целей договора»), считаются нормами обычного международного права и как таковые обязательны для применения Норвегией. См. Case concerning the territorial dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad), Judgement (par.41), 1994; и Oil Platform Case (Islamic Republic of Iran v. United States of America), Preliminary Objection (par.23), 1996.

¹⁴ Report No.9 to the Storting (1999-2000). Svalbard. Par.4.1.1 (The Treaty and Norway's exercise of authority). Цит.: «It is an accepted principle of international law relating to treaty interpretation that any significant restriction of sovereignty over land territory must be clearly based on a treaty. Such provisions are to be interpreted on the basis of their natural linguistic meaning. In case of doubt, the interpretation that entails the least restriction of the exercise of authority is to be adopted. Article 1 of the Treaty grants Norway the full and absolute sovereignty over the archipelago, and the Treaty does not provide for any general restriction of Norway's sovereignty. Therefore, unless otherwise specifically provided in the Treaty, Norway has complete jurisdiction in accordance with the general rules of public international law» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.regjeringen.no/en/find-document/dep/JD/reports-to-the-storting/19992000/report-no-9-to-the-storting-/4/id456892/> – Дата обращения 06.09.2016.

¹⁵ D.H. Anderson, The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard // Ocean Development & International Law. 40. P. 379-380.

¹⁶ A. D. McNair, Law of Treaties. Clarendon Press, 1961. P. 765. Цит. по D.H. Anderson, The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard // Ocean Development & International Law. 40. P. 379.

¹⁷ Lake Lanoux Arbitration (France v. Spain). Award, 16 November 1957. P. 16 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.ecolex.org/server2.php/libcat/docs/COU/Full/En/COU-143747E.pdf> – Дата обращения 06.09.2016.

¹⁸ Iron Rhine Arbitration (Belgium v. Netherlands). Award, 24 May 2005. Reports of International Arbitral Awards, Volume XXVII; United Nations, 2008. P. 65 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XXVII/35-125.pdf – Дата обращения 06.09.2016.

¹⁹ Приведенная судебная и арбитражная практика – не исчерпывающая. См. также прецеденты Постоянной палаты международного правосудия: *Wimbledon case (1923)*, *Memel case (1932)*, *Oder case (1929)*, - и их анализ в монографии R. Churchill, G. Ulfstein. Marine Management in Disputed Areas; The. Case of the Barents Sea. Routledge, London and New York 1992. С.23-25.

²⁰ D.H. Anderson, The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard // Ocean Development & International Law. 40. P. 380.

²¹ A. D. McNair, Law of Treaties. Clarendon Press, 1961. P. 365. Цит. по: D.H. Anderson. The Status Under International Law of the Maritime Areas Around Svalbard // Ocean Development & International Law. 40. P. 380.

²² Report No.9 to the Storting (1999-2000). Svalbard. Par.4.1.1 (The Treaty and Norway's exercise of authority). Цит.: «The effective exercise of authority over a long period of time combined with the fact that Norwegian sovereignty has not been challenged by other states forms an independent basis in public international law for Norwegian sovereignty over the area».

²³ Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. М.: СОПС, 2006. С.22-23.

²⁴ Имеется точка зрения, что в Шведско-Норвежской унии инициатива за выдвинением правопризнаний на Шпицберген всегда исходила от Норвегии, а Швеция, не желая ухудшать отношения с другими государствами - особенно влиятельными (такими как Россия – *примеч. автора*), по вопросу, который считался более отвечающим интересам Норвегии, нежели самой Швеции, не вела активной политики в данном направлении. Как только в 1905г. уния со Швецией распалась, Норвегия подготовила некую «программу» получения суверенитета над Шпицбергеном, в соответствии с которой норвежское правление базировалось бы на мандате от международного сообщества, а взамен Норвегия гарантировала бы равный доступ всем заинтересованным государствам к ресурсам архипелага. Именно с такой программой выступал норвежский министр в переговорах по Шпицбергену начиная с 1907 года, в том числе на дипломатических конференциях 1910, 1912 и 1914 годов. Но не только Россия, даже Швеция выступала против предложения Норвегии, потому что были не согласны с распространением суверенитета Норвегии на Шпицберген в какой бы то ни было форме. См.: R.Berg. From “Spitsbergen” to “Svalbard”. Norwegianization in Norway and in the “Norwegian Sea”, 1820-1925 // Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies. Vol.30. No.2. 2013. P. 166.

²⁵ Fred K. Nielsen. The Solution of the Spitsbergen Question // The American Journal of International Law. Vol. 14. No. 1/2 (Jan. - Apr., 1920). P. 233.

²⁶ Французский исследователь Ч. Работ так описывает «заслуги» Норвегии (в т.ч. унии Швеции-Норвегии в XIXв.). В период шведско-норвежской унии - охотой на морских зверей, белых медведей и северных оленей с конца 18 века, научной экспедицией 1827г. во главе с профессором Университета Кристиании г-ном Кейлхау, научной экспедицией, предпринятой шведским профессором С.Л. Ловеном в 1837 г., началом географических исследований архипелага шведскими научными экспедициями и норвежскими охотниками за моржами с 1858 г. (так, в период с 1858г. по 1908 г. состоялось более 20 шведских экспедиций, их результатом стало, как утверждает Ч. Работ, публикация в 1865 г. первой карты архипелага); «разительными» географическими открытиями норвежских охотников в восточных районах архипелага с 1847г., регулярными метеорологическими наблюдениями на Шпицбергене, с 1906г. - началом и активным осуществлением сухопутного картографирования и геологического изучения архипелага, изучением окружающих морских пространств, созданием и развитием наиболее успешных угледобывающих предприятий на архипелаге, созданием первых телеграфных станций и почтовой сообщения с материковой Норвегией, оказанием услуг в проводке иностранных судов по водам Шпицбергена (как утверждает Работ, норвежцам не было замены в данном вопросе, потому что никто лучше их не знал местности и воды Шпицбергена). См. С. Rabot. The Norwegians in Spitsbergen // Geographical Review, Vol. 8, No. 4/5 (Oct. - Nov., 1919). P. 212-226.

²⁷ Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Том I. Шпицберген. Москва, 2009. С.46-58.

²⁸ Старостин Иван, русский полярный мореход и промышленник, с 1780 г. провел на Шпицбергене 39 зим (15 лет безвыездно). См.: Вылегжанин А.Н., Зиланов В.К. Шпицберген: правовой режим прилегающих морских районов. – М.: СОПС, 2006. С.157.

²⁹ Договор о Шпицбергене был подписан 9 февраля 1920 года, вступил в силу 14 августа 1925 года, а уже 17 июля 1925 года – т.е. за месяц до вступления Договора в силу – Норвегия принимает акт национального законодательства – Закон о *Свалбарде* («Act of 17 July 1925 relating to Svalbard»), впервые, таким образом, вводя в терминологический оборот слово «Свалбард» (вместо «Шпицберген»). Далее этот термин повторяется Норвегией в Горном уставе (от 7 августа 1925 года), полное наименование Горного устава – «The Mining Code (the Mining Regulations) for Spitsbergen (Svalbard)» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://app.uio.no/ub/ujur/oversatte-lover/data/lov-19250717-011-eng.pdf> – Дата обращения 06.09.2016.

³⁰ R.Berg. From “Spitsbergen” to “Svalbard”. Norwegianization in Norway and in the “Norwegian Sea”, 1820-1925 // Acta Borealia: A Nordic Journal of Circumpolar Societies. Vol.30. No.2. 2013. P. 155, 168-170.